

© 2021

Ирина Смотрицкая

доктор экономических наук,
руководитель Центра исследований
проблем государственного управления Института экономики
Российской академии наук (г. Москва, Россия)
(e-mail: irinasmot@yandex.ru)

Сергей Черных

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики
Российской академии наук (г. Москва, Россия)
(e-mail: serge-chernn@yandex.ru)

К КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

В статье рассматриваются теоретические и практические подходы к развитию концепции публичного управления в России. Исследуются возможности публичного управления по повышению качества государственного управления в условиях наступающих глобальных перемен в экономической и социальной жизни общества. Рассматриваются предпосылки для использования в рамках публичного управления «мягкой силы» и гибких методов управления для эффективной реализации социально-экономических задач и достижения национальных целей развития страны.

Ключевые слова: публичное управление, государственное управление, эффективность и качество управления, концепция «мягкой силы», гибкие методы управления, цифровизация, междисциплинарные исследования.

DOI: 10.31857/S020736760017483-0

В нашей стране чрезвычайно остро стоит вопрос о повышении эффективности системы государственного управления. Ситуацию осложняют новые стратегические вызовы, связанные с последствиями пандемии, когда существенно обострились все нерешенные проблемы экономики и общества при снижении доверия последнего ко многим государственным институтам. В целях преодоления кризиса руководство страны реализует пакет социально-экономических мер, нацеленных на поддержку уязвимых групп населения, отраслей и бизнеса, на обеспечение стабилизации и стимулирования роста российской экономики. Однако результативность данных мер в значительной степени зависит от выбора новых концептуальных подходов к развитию государственного управления в целях повышения его эффективности и качества в условиях формирующейся новой социально-экономической реальности.

Основополагающие принципы и ключевые аспекты трансформации современной модели государственного управления выступают предметом острых теоретических и методологических дискуссий в зарубежной и российской литературе. Как уже ранее отмечали авторы, «проблемы кризиса и трансформации государственного управления в последние два десятилетия выступают важнейшим направлением исследований, результаты которых отражаются в соответствующих управленческих концепциях» [1. С. 41]. Основной дискурс большого пласта научных работ заключается в рассмотрении спектра проблем эффективности и качества государственного управления через призму результатов реализации, во-первых, концепции Нового государственного управления (New public management), предполагающей развитие государства как системы сервисных функций, и, во-вторых, концепции Достойного управления (Good Governance), позволяющей перейти от понимания управления как исполнения функций к управлению как сети взаимосвязей государства и граждан с учетом необходимости их участия в принятии управленческих решений [2]. Следует также отметить модель «государства плеймейкера» (playmaker), которая отражает современную тенденцию к новому содержательному наполнению понятия государственного патернализма, рассматривающую деятельность государства в качестве самостоятельного субъекта рыночного обмена, генерирующего от имени общества собственные цели развития, располагающего ресурсами для их реализации, активно взаимодействующего с различными формами организации гражданского общества [3].

Системный кризис, вызванный COVID-19, затронув все основные сферы экономической деятельности российского государства, потребовал радикального разворота к решению не только экономических, но и социальных проблем общества. Эксперты отмечают, что кризис «показал высокую способность людей, сообществ, негосударственных организаций самоорганизовываться и совместно компенсировать провалы в качестве жизни. И это не первый, но большой шаг вперед на пути движения от социального государства к социальному обществу (welfare society), основанному на ценности человеческой жизни и признании важности качества этой жизни» [4]. Очевидно, что формирующиеся социальные приоритеты развития требуют переосмысления методологических основ, методов и инструментов сложившейся системы государственного управления, а активное участие общества в постановке и реализации стратегических целей и задач, позволяет говорить об актуальности имплементации в сферу государственного управления принципов, инструментов и методов публичного управления.

Некоторые концептуальные аспекты публичного управления. В переводе с латыни термин «публичный» (publicus) может обозначать как «общественный», так и «государственный». В нашей стране понятие «публичное управление» в течение длительного периода развивалось в контексте учения о государстве

и праве. Традиционно под публичным управлением понимается целенаправленное, организующее воздействие органов власти различного уровня на экономические и социальные процессы, которые регулируются публичным (не частным) правом. Вследствие этого в современной юридической литературе на первый план выдвигается значение понятия «публичный» как «государственный». [5. С. 16], соответственно под публичным управлением понимается государственное управление (*public administration*), а также государственное и муниципальное управление.

Изучение проблем развития публичного управления в юриспруденции, как правило, основывается на исходном суждении о том, «что публичное управление, то есть *государственное управление* в каждой стране имеет свои особенности, которые находят отражение в действующих моделях государственного управления, а модель должна базироваться на междисциплинарном подходе к ее теоретическому обоснованию принципов построения» [6. С. 4].

В тоже время в контур понятия юридических лиц, регулируемых публичным правом, входят и различные виды публично-правовых организаций, которые основаны в общественных интересах и/или для конкретных целей, не носящих коммерческого характера. В этой связи публичное управление может рассматриваться и с позиций комплексного подхода как государственное и муниципальное управление, управление общественных, саморегулируемых и определенных хозяйственных организаций, что является более широким понятием по сравнению с «чисто» государственным (муниципальным) управлением.

Следует отметить, что в мировой практике термин «публичный» активно употребляется и в значении «организованное для общества» и «при участии общества» (публичные слушания, публичная экспертиза, публичные закупки и т.д.). В этом значении понятие «публичное» применительно к управлению характеризует модель управления *как действующую в интересах общества и прозрачную для общества*, что обуславливает наличие широкого круга исследований, посвященных политическому и социальному аспекту развития концепции публичного управления.

Исследование проблем публичного управления Г. Купряшин называет в качестве одного из наиболее быстро развивающихся направлений российской политической науки, отмечая, что это развитие в нашей стране началось лишь 25 лет назад. В своей фундаментальной статье «Публичное управление» он содержательно раскрывает данное понятие как «систему кооперации государственных, муниципальных, некоммерческих и смешанных структур, призванную обеспечить удовлетворение общественных интересов и решение коллективных проблем. Публичное управление, объединяя деятельность государственных, муниципальных, неправительственных (некоммерческих) организаций, фактически представляет общественно-государственную систему

общенациональных и местных интересов, а также производства общественных благ» [7. С. 103].

В рамках концепции публичного управления особое значение приобретает организация системы эффективной связи между органами государственного, муниципального управления и представителями гражданского общества, взаимодействие государства и граждан [8. С. 6], а также сотрудничество с частным бизнесом, государственно-частное партнерство. То есть современная концепция публичного управления основывается на развитии договорных отношений между государством и обществом при формировании политического курса и определении социально-экономических задач развития страны. Как отмечают эксперты, «публичное управление соединяет политическую науку и практический менеджмент, позволяя обеспечить защиту от некомпетентности» [9. С. 361–362].

Таким образом, с позиций публичного управления «качественное» государственное управление будет определяться не только сменой форм, но и самого способа формирования целей и стратегии государственного управления. [7. С. 112]. Очевидно, что новая парадигма государственного управления предполагает разработку соответствующих теоретических и практических подходов к формированию институтов, механизмов и инструментов согласования интересов государства и общества, принятия и реализации взаимоприемлемых управленческих решений, что не представляется возможным без использования достижений современной политологии, социологии, экономики, юриспруденции.

Резюмируя, можно сделать вывод, что публичное управление представляет собой научную категорию, основные принципы и содержательное наполнение которой эволюционируют в контексте синергии теоретических аспектов различных отраслей гуманитарных наук. Одним из таких междисциплинарных аспектов, на наш взгляд, выступает имплементация в сферу государственного управления понятий, методов и инструментов политологии, связанных с использованием концепции «мягкой силы».

«Мягкая сила»: политика, идеология, экономика. Устоявшееся определение «мягкой силы» (англ. *soft power*; чаще встречающийся перевод – «мягкая сила», хотя автор этого термина Дж. Най, введший его во второй половине 1980-х годов, имел в виду в первую очередь «мягкую власть») – это форма политической власти, предполагающая способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение¹.

Термин «мягкая сила» применяется отечественными авторами к каким-либо действиям, прежде всего политического, идеологического и психологического характера, несущим по отношению к объектам воздействия недружественный характер. Так, авторы монографии «Особенности публичного управления

¹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мягкая_сила

в современной России» пишут: «Концепция “мягкой силы” связана с формированием такой власти или политической силы, которая влияет на поведение людей, вынуждая их принимать выгодные для источника влияния действия. Власть “мягкой силы” основана на силе информационных образов, влиянии смыслов, которые затмевают аргументацию разума человека. По сути, происходит манипуляция сознанием... Власть “soft power” основана, прежде всего, не на аргументах разума, а на силе “информации и образов” [6. С. 17–18].

Р. Кошкин считает, что «методы “мягкой силы” включают в себя культурную политику, активные мероприятия по продвижению ценностей и идеалов так называемого свободного мира». Одним из таких методов, по его мнению, стали «оранжевые» революции, при которых гражданские ненасильственные кампании часто сопровождаются угрозами силового противостояния с властью, либо точечными конкретными вооруженными акциями (пример — Украина весной 2014 г.). Противодействие «мягкой силе» является одной из основ обеспечения национальной безопасности нашей страны [10. С. 12–14].

Еще одно высказывание: «Мягкая сила» — это «привлекательная сила». И одна из основ «мягкой силы» в США — американская политическая идеология. На сегодняшний день основные ценности США составляют либеральная демократия и рыночная экономика. Все это находит отклик в других странах. Чем и занимаются США, распространяя этот нормативно-идейный комплекс, не навязывая их силовым путем, а предлагая в качестве привлекательной альтернативы»².

Как бы резюмируя вышесказанное, отечественная Википедия констатирует, что у нас в стране, с одной стороны, «мягкая сила» воспринимается как «недостойное» (манипулятивное) средство реализации чуждых нам зарубежных интересов, с другой стороны, в России пока не востребованы поиски нормативного объединяющего идеала, способного сформировать ядро отечественного «мягкого» потенциала³.

Итак, «мягкая сила» должна иметь сильную идеологическую основу. К сожалению, у нас такой основы нет и это обеспечивает поле деятельности для чужой «мягкой силы»: «Природа не терпит пустоты, если нет своей идеологии, то это место обязательно занимает чужая, и это уже последние 30 лет происходит в головах молодых людей — отсюда все разговоры о том, что мы теряем молодёжь, — а чужая идеология, естественно, навязывается и через оппозиционные СМИ-иноагенты, и через соцсети» (зам. Председателя Государственной думы П. Толстой)⁴. Именно отсутствие внятной идеологии, обращенной в будущее, а не в прошлое, является тормозом для использования страной «мягкой силы»

² Теоретические основы понятия концепции «мягкой силы». URL: https://studwood.ru/1953977/ekonomika/myagkaya_sila

³ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мягкая_сила

⁴ Федеральное Собрание Российской Федерации. Государственная Дума. Стенограмма заседаний 10 февраля 2021 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5595/>

с акцентом на предложение «привлекательной альтернативы» как в международных отношениях, так и для достижения стратегических целей развития страны.

На наш взгляд, концепция «мягкой силы» вполне применима и к сфере государственного управления экономикой. Именно применением «мягкой силы» можно объяснить тот факт, что в США, например, роль государства в перераспределении национального богатства растет, но при этом парадоксальным образом государства в экономике больше не становится – «никаких новых государственных предприятий, никаких приоритетных стратегических отраслей, в предприятиях которых у государства должен быть контрольный пакет» [11]. В России ситуация коренным образом отличается в связи с приматом государственного капитализма в отечественной экономике⁵. Тем не менее и в этих условиях «мягкая сила» может сыграть свою позитивную роль, тем более что идеологические аспекты здесь не играют решающего значения, хотя они, безусловно, важны.

Ю. Лиференко в статье [13] пишет, что в процессе трансформации капитализма создалась система, которая во многом потеряла способность к экономическому росту. По его мнению, современная российская экономическая модель, построенная на чрезмерном вмешательстве государства в экономику, может только деградировать и не может развиваться (хотя бы потому, что деятельность государственных производственных предприятий не укладывается в логику рыночной капиталистической экономики). Поэтому выбора не остается – нужно менять модель экономики [13. С. 34]. На наш взгляд, в этом случае не избежать шоковой терапии по образцу начала 1990-х годов. Вопрос же заключается в следующем: чрезмерное вмешательство государства в экономику осуществляется посредством «жесткой» или «мягкой силы»? В настоящее время действительно имеет место более жесткий вариант, системная же трансформация государственного управления в направлении придания ему публичности и применения «мягкой силы» позволит избежать катаклизмов. Другими словами, мы предлагаем эволюционный, а не революционный путь.

«Мягкая сила» – это особая управленческая политика, направленная на использование публичных (открытых, доступных и коллективных) методов воздействия, инструментов и технологий для достижения стратегических целей и задач. «Мягкую силу» при управлении экономическими процессами должно использовать государство-плеймейкер. При этом масштаб государственного участия в экономике отходит на второй план, а на первый выдвигается эффективность институтов государственного управления, которые используют в своей практике «мягкое» принуждение, оказывающее организующее воздействие на участников хозяйственной и иной деятельности за счет побудительных мотивов к развитию экономики и общества.

⁵ Теоретические и практические вопросы, связанные с формированием и развитием в нашей стране государственного капитализма в его разнообразных формах, а также возможности его трансформации в публичную форму на принципах демократического этатизма рассмотрены в статье [12].

Следует отметить, что «мягкая сила» в той или иной степени начинает применяться государством в отечественной экономике в кризисные периоды. Об этом свидетельствуют программы антикризисных мер в период 2008–2009 гг. и 2015–2016 гг., а также в настоящее время – при преодолении кризисных последствий пандемии COVID-19.

Общенациональный план восстановления экономики 2020–2021 гг. призван стабилизировать ситуацию, поддержать граждан, предприятия, бизнес на этапе выхода из кризиса, а также добиться долгосрочных структурных изменений в экономике за счет «симпатии и привлекательности», а не «принуждения». План направлен в первую очередь не на усиление госсектора в экономике, а на восстановление эффективной занятости и платежеспособного спроса, поддержку индивидуального, малого и среднего предпринимательства, запуск нового инвестиционного цикла и улучшение делового климата, а также на ускорение технологического развития экономики, увеличение экспорта и поддержку импортозамещения⁶.

Некоторые эксперты считают, что никаких амбициозных целей правительство в данном документе перед собой не поставило, а также проявило «прижимистость» в отношении выплат работникам пострадавших от кризиса отраслей – малого бизнеса и сферы услуг [14. С. 61]. Тем не менее именно в правительственных антикризисных планах находит отражение публичность методов воздействия и используемых инструментов «мягкой силы» для решения поставленных задач. Такая практика, на наш взгляд, не должна ограничиваться лишь кризисными периодами.

Гибкие методы управления и цифровая трансформация. Методы «мягкой силы» в технологическом плане сопрягаются с так называемыми гибкими методами управления (Agile), основанными на взаимодействии, сотрудничестве и готовности к изменениям в условиях цифровых преобразований. Гибкие методы называют «ответом на изменяющиеся потребности граждан», по мнению сторонников Agile, «если вы не гибки, то вы стоите на месте и только наблюдаете за тем, как другие идут дальше, опережая вас» [15]. В Общенациональном плане восстановления экономики 2020–2021 отмечается, что его реализация будет осуществляться в том числе на основе современных гибких методов управления⁷.

Согласно Манифесту Agile (Agile Manifesto) – краткому документу, определяющему основные принципы гибкой методологии (2001 г.), Agile – это не стандарт, а набор принципов и ценностей. Гибкие методы основаны на том, что:

⁶ Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен на заседании Правительства РФ 23 сентября 2020 г. (протокол N 36, раздел VII) N П13-60855 от 2 октября 2020 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74678576/#review> (дата обращения: 11.08.2021).

⁷ Там же.

- люди и взаимодействие важнее процессов и инструментов;
- работающий продукт важнее исчерпывающей документации;
- сотрудничество с заказчиком важнее согласования условий контракта;
- готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану.

Применение гибких методов в государственном управлении обусловлено теми же факторами, что и в коммерческой сфере. Вместе с тем потенциал гибкого управления требует дополнительного изучения и анализа, так как у государства есть своя специфика в реализации проектов и программ. Однако в стратегической перспективе цели по повышению эффективности управления, качества предоставляемых услуг и взаимодействия с потребителями у государства и бизнеса совпадают.

Методы Agile, в отличие от чисто административных, более открыты к требованиям потребителей – исполнители и заказчики постоянно взаимодействуют друг с другом. В таких условиях любой проект лучше адаптируется к изменениям в процессе разработки и реализации. Представляется важным и такой аспект, как реагирование на технологические изменения, необходимые для адаптации государственных институтов и сервисов к новым цифровым вызовам. То есть речь идет о процессе цифровой трансформации в сфере государственного управления, который приобрел общенациональное значение.

В соответствии с приоритетными целями и задачами развития страны до 2024 года, определенными Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» приобрела статус национального проекта, которая включает шесть ключевых направлений, в том числе цифровое государственное управление. В Указе Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 цифровая трансформация определена как одна из национальных целей, при этом государственное управление к 2030 г. должно достичь «цифровой зрелости». Можно сказать, что речь идет о создании информационных и технологических возможностей для трансформации системы государственного управления в сторону модели публично-го управления, так как использование «мягкой силы» и гибких методов управления базируется на интеграции и анализе больших массивов данных, развитии горизонтальных связей и партнерстве с бизнесом, эффективном взаимодействии с представителями гражданского общества, обеспечении прозрачности принятия и реализации управленческих решений.

Цифровая трансформация государственного управления представляет собой сложный и длительный процесс реформирования и эволюции институтов, функций и механизмов государственного управления. Этот процесс, с одной стороны, является ответом на современные вызовы цифровой революции, а с другой – характеризуется собственными рисками, которые нельзя сбрасывать со счетов [16. С. 131]. Одним из таких институциональных рисков является отсутствие необходимой законодательной базы. Данный риск возникает

в связи с медленной разработкой соответствующей нормативной базы, несвоевременной корректировкой существующих и (или) принятием новых нормативных актов, в том числе определяющих принципиальную возможность использования тех или иных технологий.

В целях оптимизации данного риска следует использовать именно гибкие методы управления, которые дают возможность адаптации к отечественной специфике законодательства. В частности, таким инструментом выступает тиражирование «регуляторных песочниц», то есть пилотных проектов (для определенных территорий, функций, видов деятельности), апробирующих ввод в действие новых правовых норм и режимов, происходящих под наблюдением регуляторов с целью объективной оценки возникающих положительных эффектов, а также проблем и рисков. Режим «регуляторных песочниц» вступил в силу 28 января 2021 г. согласно Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».

На повышение эффективности процесса законодательства направлен и так называемый метод «регуляторной гильотины», предполагающий масштабный пересмотр (при широком участии организаций гражданского общества и бизнеса) и даже отмену нормативно-правовых актов, негативно влияющих на общий бизнес-климат и регуляторную среду. Задача «гильотины» – создать в сферах государственного регулирования новую систему понятных и четких требований к хозяйствующим субъектам, снять избыточную административную нагрузку на субъекты предпринимательской деятельности.

Следует также отметить, что процесс цифровой трансформации создает условия для активного внедрения гибких методов управления благодаря организации цифровых платформ – современных цифровых форм взаимодействия между отраслевыми поставщиками и потребителями с целью минимизации транзакционных издержек (например, при поиске партнеров, товаров, услуг, организации платежей, заключении контрактов, контроле исполнения договоренностей, оценке репутации отраслевых участников и т.д.).

Создание цифровых платформ позволяет государству стимулировать развитие конкуренции на рынке за счет прозрачных информационных условий выбора контрагентов и заключения контрактов, выхода «из тени» тех хозяйственных субъектов, которые ранее не были представлены на рынке. При этом эксперты выделяют несколько сценарных подходов, каждый из которых имеет свои преимущества, недостатки и риски, обусловленные целями формирования платформ, их типами и используемыми технологиями [17]:

- государство утверждает все основные правила взаимодействия на платформе и определяет оператора платформы, который в соответствии с установленными требованиями обеспечивает развитие системы, созданной

за бюджетные средства, формирует модель (технологию) входа на платформу и контроль за соответствием требованиям участников;

- государство делегирует право устанавливать правила на платформе оператору, при этом создает механизмы антимонопольного регулирования и обеспечивает контроль за их соблюдением;
- создается государственно-частное партнерство, в котором право владения и эксплуатации платформы в дальнейшем может быть перераспределено между государством и бизнесом.

Таким образом, в зависимости от сценария развития платформы государство делегирует большую или меньшую часть своих полномочий по созданию, обеспечению и регулированию их деятельности. Независимо от выбранного сценария и конкретного рынка должен быть сформирован комплекс нормотворческих инициатив, направленных на регулирование не только отдельной цифровой платформы, но и всей отрасли (сферы) в связи с формированием в ней таких платформ.

Практически состоявшейся цифровой платформой можно сейчас назвать портал госзакупок www.zakupki.gov.ru, однако еще требуется решить много актуальных проблем, связанных с переориентацией системы публичных закупок на более гибкие инструменты управления, контрактную парадигму, адекватную специфическим задачам и особенностям современной экономики⁸.

Как подчеркивают зарубежные исследователи, успех в области цифровой трансформации системы государственного управления, как правило, достигается не тогда, когда ее тотальная цифровизация ставится в качестве самоцели, а тогда, когда конкретные цифровые решения в системе государственного управления рассматриваются как средство преодоления конкретных социальных, экономических, политических и других вызовов [20]. Применительно к нашей стране к таким вызовам следует отнести: решение остро стоящих проблем в социальной сфере; обеспечение экономического роста и конкурентоспособности России на мировом рынке; наращивание научно-технологического потенциала; проведение инновационной и структурной модернизации.

С учетом возникающих геополитических и социально-экономических стратегических вызовов концепция государственного управления не может не трансформироваться. В настоящее время Россия вместе со всем миром находится в кризисных условиях, связанных с последствиями пандемии. Как отмечает академик С. Глазьев, «глобальную экономику не просто управляемо опустили в рецессию, но создали новую экономическую реальность. Происходит глубокая перестройка всей системы экономических связей и отношений» [21]. Одной из наиболее характерных черт формирующейся новой реальности

⁸ Подробнее см.: [18, 19].

становится приоритет социальных целей над экономическими, что позволяет говорить о качественно новом этапе развития государственного патернализма в современной рыночной экономике, отличительным признаком которого является переход с позиций доминирующего «патера» к партнерским отношениям с хозяйствующими субъектами и различными организациями гражданского общества. Очевидно, что новая реальность требует соответствующей трансформации системы государственного управления, перехода к концепции публичного управления. По сути, речь идет о формировании стейкхолдерской модели государственного управления, позволяющей эффективно учитывать и взаимоувязывать интересы различных групп общества. Представляется, что развитие концепции публичного управления как общественно-государственной системы, активное внедрение цифровых технологий создаст предпосылки для использования «мягкой силы» и гибких методов управления в целях эффективной реализации социально-экономических задач и достижения национальных целей развития страны. Этому должны способствовать и соответствующие междисциплинарные исследования, позволяющие более полно познать новые черты экономики и общества.

Литература

1. *Смотрицкая И., Черных С.* Современные концепции государственного управления и институциональные риски // Общество и экономика. 2020. № 6. С. 41–52.
2. *Барабашев А.Г.* Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 163–194.
3. Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма / Монография. Под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга // М.: АЛТЕТ. 2020. 424 с.
4. Коронавирус и будущее государства всеобщего благосостояния. Эксперт клуба «Валдай» Оксана Синявская 16.04.2020. Режим доступа: URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/koronavirus-i-budushchee-gosudarstva/> (дата обращения 1.09.2021).
5. *Чиркин В.Е.* Публичное управление / Учебник // М.: Юристъ. 2004. 475 с.
6. Особенности публичного управления в современной России / Монография. Под общ. ред. Т. М. Резер. // Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2018. 154 с.
7. *Купряшин Г.Л.* Публичное управление // Политическая наука. 2016. № 2. С. 101–131.
8. *Барабашев А.Г., Уткина В.В.* Государственное управление в России: основные предметные области и тренды научных исследований // Вестник университета (Государственный университет управления). 2014. № 16. С. 5–15.
9. Классики теории государственного управления: американская школа // М.: Изд-во МГУ. 2003. 800 с.
10. *Кошкин Р.П.* Информационное общество и государственный (национальный) суверенитет // Стратегические приоритеты. 2017. № 2. С. 9–25.
11. *Блант М.* Почувствуйте разницу. Почему Россия никак не догонит Америку. 3 мая 2021 г. Режим доступа: URL: <https://www.svoboda.org/a/31235798.html> (дата обращения 1.09.2021).
12. *Черных С.* Государственный капитализм в России: теория, практика и современные тенденции // Общество и экономика. 2021. № 2. С. 5–17.

13. *Лиференко Ю.* Воссоздание в России капитализма, мало способного развивать экономику // *Общество и экономика*. 2021. № 5. С. 20–37.
14. *Толстоухова Н.* Почему Национальный план восстановления экономики не стал сенсацией // *Вольная экономика*. 2020. № 16. С. 56–63.
15. *Agile Government: Responding To Citizens' Changing Needs*. Canada's Public Policy Forum. 2015. 20 p.
16. *Формирование цифровой экономики в России: вызовы, перспективы, риски* / Монография. Под ред. Е.Б. Ленчук // СПб.: АЛЕТЕЙЯ. 2020. 320 с.
17. *Дмитриева Н.Е., Жулин А.Б. и др.* (Институт государственного и муниципального управления) Как цифровые платформы трансформируют госуправление. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>
18. *Смотрицкая И.И., Черных С.И.* Контрактная парадигма. Нобелевская премия по экономике-2016 // *Вестник Института экономики РАН*. 2016. № 6. С. 91–96.
19. *Смотрицкая И.И., Шувалов С.С.* Развитие института публичных закупок (к формированию новой модели контрактной системы закупок) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017. Т. 10. № 5. С. 99–114.
20. *Janowski T.* Digital government evolution: From transformation to contextualization // *Government Information Quarterly*. 2015. Vol. 32. Issue 3. P. 221–236. DOI: 10.1016/j.giq.2015.07.001
21. *Глазьев С.Ю.* Доклад о глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса. Финансовый Университет при Правительстве РФ. 23.04.20 [Электронный ресурс]. URL: <https://glazev.ru/articles/11-analitika-i-prognozy/78774-doklad-o-glubinnikh-prichinakh-narastajushhego-khaosa-i-merakh-po-preodo-leniju-jeconomicheskogo-krizisa> (дата обращения 6.09.21)

Irina Smotritskaya (e-mail: irinasmot@yandex.ru)

Grand Doctor in Economics,

Head of the Center for Public Administration,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS),

(Moscow, Russia)

Sergey Chernykh (e-mail: serge-cherenn@yandex.ru)

Grand Doctor of Economics, Professor,

Chief Scientific Associate,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS),

(Moscow, Russia)

ON THE CONCEPT OF THE DEVELOPMENT OF PUBLIC ADMINISTRATION IN RUSSIA

The article discusses theoretical and practical approaches to the development of the concept of public administration in Russia. The article examines the possibilities to improve the quality of public administration in the context of the upcoming global changes in economic and social life. The prerequisites for the use of “soft power” and

flexible management methods are considered within the framework of public administration, for the effective implementation of socio-economic tasks and the achievement of national development goals.

Keywords: public administration, public administration, efficiency and quality of management, the concept of “soft power”, flexible management methods, digitalization, interdisciplinary studies.

DOI: 10.31857/S020736760017483-0